

К 150-летию со дня рождения

ЮБИЛЕЙНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ

Кайзер Германии Вильгельм II.
Парадный портрет кисти Г. Меклеса. 1919 г.

ТАРЛЕ
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ЕВРОПА
В ЭПОХУ
ИМПЕРИАЛИЗМА

СТАТЬИ
О ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ

Москва

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6
Т20

150-летию со дня рождения академика Е. В. Тарле.

Тарле, Евгений Викторович.

Т20 Европа в эпоху империализма; Статьи о внешней политике / Тарле Евгений Викторович. — Москва : Эксмо, 2025. — 800 с. — (Юбилейное собрание сочинений академика Е. В. Тарле. Том 5).

ISBN 978-5-04-207947-4

Фундаментальный труд академика Евгения Викторовича Тарле «Европа в эпоху империализма», посвященный причинам возникновения, ходу и последствиям Первой мировой войны, сразу после выхода его в свет в 1927 году стал бестселлером. Значение этого труда не померкло и сегодня. Такого глубокого исследования подводных и внешних течений мировой политики до, во время и после Первой мировой войны в отечественной науке нет до сих пор — и вряд ли уже появится. Ведь Тарле не просто внимательно и по свежим следам изучил колоссальный массив источников, появившийся в течение первого десятилетия по окончании, как ее тогда называли, Великой войны, но и гениально переработал это историческое сырье в настоящий шедевр. Перед читателем разворачивается яркая картина хитросплетений внешней политики, написанная на широком историческом фоне. Кроме собственно научной ценности, особое восхищение вызывает и литературное мастерство Тарле: читатель услышит живую человеческую речь, внятно и понятно рассказывающую о сложнейших событиях совсем недавнего для автора прошлого. Недаром книга «нашего Тарле» вдохновила выдающегося итальянского режиссера Бернардо Бертолуччи на создание его знаменитой киноэпопеи «Двадцатый век». В наше издание включены также крупные статьи академика Тарле о внешней политике России и ее соперников. Прекрасное дополнение издания — обширный, тщательно подобранный и точно размещенный по ходу повествования документальный иллюстративный материал, дающий возможность зримо представить участников, обстоятельства и ситуации этого военно-политического противостояния.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6

© Иллюстрации, макет, оформление.

Fortune Triumph Ltd., 2025

© Текст. Наследник, 2025

© Оформление, ООО Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-207947-4

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Фундаментальный труд Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма» по своему содержанию гораздо глубже и его названия, и даже формального содержания. Перед читателем — не изложение общей истории Европы в эпоху империализма, а яркая картина хитросплетений внешней политики, написанная на широком историческом фоне.

В 1920-е годы, сразу после Первой мировой войны, чудовищной бойни, для тех времен совершенно беспрецедентной по своим масштабам и по опустошительности, глубинные — исторические, экономические и политические — цели Великой войны волновали общественность всех стран. Огромный поток мемуаров и документальных публикаций о смыслах мировой войны, непрекращающиеся горячие споры в разных странах по вопросу о ее виновниках привлекли внимание и Е. В. Тарле. Однако российский историк не просто внимательно изучил и обобщил колоссальный массив документов об истоках, подспудных и реальных причинах империалистической войны, но и гениально переработал это «историческое сырье» в настоящий шедевр.

Книга «Европа в эпоху империализма» (1927 г.) сразу стала бестселлером. Не говоря уже о литературном совершенстве, которое излучает каждая ее страница, важен тот факт, что люди впервые за советское десятилетие вместо штампов и расхожих цитат классиков марксизма-ленинизма слышали живую человеческую речь, внятно и понятно рассказывающую о сложнейших событиях тогда еще недавнего прошлого. Такой успех первой публикации предопределил немедленный (всего лишь через год) выход второго издания.

Эту особенность книги понял и вождь «марксистских историков» М. Н. Покровский, с которым у Тарле были до того хоть и не доверительные, но вполне терпимые личные отношения.

Книга сразу после выхода в свет вызвала острую полемику в советской исторической науке. Главным оппонентом Е. В. Тарле выступил именно М. Н. Покровский, упрекавший автора в оправдании политики Антанты. Это голословное обвинение ос-

новывалось лишь на том, что Тарле основную ответственность за развязывание глобального мирового пожара возлагал прежде всего на Германию и ее правителей. Это-то и стало формальным поводом для гонений против академика.

В семье Тарле и среди близких к нему людей существовало однозначное мнение о том, что все обрушившиеся вскоре на ученого тяжкие испытания были инспирированы охваченным черной завистью Покровским, который как заместитель наркома просвещения, как человек, имевший вес в тогдашних партийных кругах и связанный с охранительными службами, обладал огромными административными возможностями.

В пользу этой версии говорит и то, что Тарле был «подключен» к «монархическому заговору», хотя всем были хорошо известны его демократические убеждения и то, что именно за них он пострадал при царском режиме. Осознав подобную нелепость, «органы», видимо, не без подсказки того же Петровского, пост-фактум «внедрили» ученого в уже сфабрикованные «дела» — «академическое» и «промпартии». Тарле был арестован, осужден, лишен звания академика и в 1931 г. отправлен в ссылку в Алма-Ату.

Сам Тарле не любил вспоминать об аресте, допросах и своем «покаянии». Эту неприязнь к пережитому в те страшные годы ученый распространил и на свой труд «Европа в эпоху империализма», ставший невольной причиной выпавших на его долю испытаний. Сей «опальный» шедевр Тарле не переиздал в те годы, когда его личный авторитет был так высок, что он без особого труда мог это сделать.

Первые два издания «Европы» стали библиографической редкостью еще при жизни Тарле. И только после смерти ученого в одном из томов посмертного собрания сочинений эта книга вновь увидела свет. Почти одновременно вышло ее итальянское издание. Один из многочисленных итальянских почитателей российского ученого — выдающийся режиссер Бернардо Бертолуччи однажды весьма удивил советского журналиста, сказав, что на замысел и стиль его киноэпопеи «Двадцатый век» особенно повлияли книги «вашего Тарле». Было это в конце 1970-х годов, но понадобилось еще 20 лет, чтобы началось истинное возвращение творческого наследия Тарле в Россию, для которой он жил и работал. Это возвращение продолжается и сегодня...

ЕВРОПА В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА (1871–1919 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Мне показалось необходимым ввести в мою книгу целый ряд дополнений, документальных иллюстраций, даже отдельных параграфов, а также уточнить и развить некоторые мысли, высказанные в первой, вводной, главе. Дополнил и пояснил я некоторые пункты и в главе о начале войны. Именно эти главы и вызвали больше всего критики, правда основанной очень часто на недоразумениях или на невнимательном чтении. Во всяком случае, долг автора был пояснить и развить подробнее то, что могло показаться неясным. В общем, все эти дополнения заняли больше места, чем я первоначально рассчитывал, но (если это не самообольщение автора) книга выиграла в полноте, которая, впрочем, в таких общих курсах может быть лишь относительной.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Непосредственной целью автора этой книги было дать его слушателям в университете сжатое пособие, которое позволило бы им приступить к слушанию университетского курса с известной подготовкой. У нас есть книги на русском языке, либо посвященные общему изложению всей истории XIX–XX вв., либо больших отделов ее, либо отдельных капитальных вопросов; некоторые из них я указываю в своем месте.

Что касается моей книги, то она в первых главах имеет целью дать общий, очень сжатый вводный очерк, который позволил бы начинающему читателю, интересующемуся историей последних десятилетий, ориентироваться в сложном и пестром лабиринте событий, раньше чем приступить к более детальному ознакомлению с ними, либо по только что упомянутой русской литературе, либо — кто знает языки — по литературе иностранной (тоже мной в самых главных чертах отмечаемой). Эти главы представляют собой очень сжатый обзор содержания того курса, который несравненно детальнее излагается мной с университетской кафедры.

Мне приходилось и приходится выслушивать настойчивые просьбы о таком общем введении к курсу со стороны самых разнообразных категорий моих слушателей. И студент, пришедший из рабочего факультета, и окончивший школу второй ступени (где история часто преподается в высшей степени небрежно и неудовлетворительно), и люди, уже побывавшие в высших учебных заведениях, при всей неодинаковости своей подготовки, одинаково указывали и указывают на полную необходимость иметь такое пособие по истории последнего полувека, которое облегчало бы им возможность разобраться в сложнейшем материале, предлагаемом им с кафедры, а также излагаемом в общих и монографических работах по истории XIX – XX вв. Но им нужен вовсе не конспект, не фактическая памятка; им нужен общий обзор, нужны руководящие линии, первые просеки, по которым можно было бы начать углубляться в дремучий лес фактов.

В этой книге я попытался ответить, насколько это было в моих силах, на этот трудный, но законный запрос тех, которые переступили или собираются переступить порог университетской аудитории. Но в последних главах моей книги эта задача — и без того нелегкая — значительно осложнилась еще тем, что для периода 1914–1919 гг. я не мог ограничиться установлением этих общих линий исторической эволюции, поскольку они для меня самого выясняются на основании изучения фактического материала, постепенно делающегося известным.

Мне нужно было считаться с тем, что этот фактический материал у нас несравненно менее известен, чем материал, хотя бы, например, предшествующего периода. Мне приходилось быть очень разборчивым в фактах и скупым на слова, потому что иначе вместо сжатого пособия получилось бы несколько огромных фолиантов, но все же я принужден был сильно изменить масштаб и отводить рассказу о конкретных фактах гораздо больше места, чем я делал это в первых главах¹.

Но этим основная задача моей книги не изменялась, а лишь осложнялась; в главном же она оставалась одной и той же с первой строки книги до последней: дать целесообразные и мотивированные первые подступы к изучению громады фактов, с которыми моему читателю придется встретиться в дальнейшей работе в аудитории и при знакомстве с литературой.

Первоначально в мой план входило дать в этой книге также историю 1919–1928 гг. Но занятия в «Библиотеке великой войны» в Венсенском замке (близ Парижа), где уже собрана и постоянно пополняется огромная литература источников по истории войны и послевоенного времени, убедили меня в необходимости посвятить послевоенному периоду особую книгу, которая явится непосредственным продолжением, второй частью этой ныне предлагаемой работы. Историю 1919–1928 гг. нужно не только пояснять, но и подробно рассказывать, излагать факты, которые сплошь и рядом очень мало у нас известны. Сам масштаб второй части моей работы, посвященной 1919–1928 гг., будет совсем иной, чем тот, которого я старался держаться в предполагаемой первой части. Отчасти мне пришлось изменить, как сказано, масштаб изложения уже в последних главах первой части (там, где

я говорю о подготовке к войне, о самой войне 1914–1918 гг. и о капитуляции Германии).

История 1919–1928 гг. будет мной изложена подробнее, потому что, во-первых, сама эпоха полна сложнейших и крупнейших событий и явлений; во-вторых, для целого ряда вопросов нет научной литературы на русском языке, а для некоторых вопросов нет ничего и на иностранных языках, и мне невозможно потому никуда отсылать читателя, который хотел бы глубже вникнуть в какую-либо из рассматриваемых проблем.

Для истории 1871–1919 гг. дело обстоит лучше, особенно для периода до образования Антанты; оттого я и старался быть как можно более кратким, излагая события этого периода. Кроме того, некоторые вопросы (например, все, что относится к истории социалистических партий, особенно к истории социал-демократии в Германии) я имел основание считать более или менее освещенными в литературе, имеющейся на русском языке, и более известными читателю, и поэтому посвящаю им лишь общие указания и самые краткие характеристики, избегая деталей. Истории рабочего движения *во время войны* 1914–1918 гг. я посвящу отдельную монографию. Если моя книга поможет студенту подготовиться к слушанию подробного университетского курса или натолкнет его на чтение специальной литературы по тем или иным затрагиваемым мной вопросам, цель моя будет достигнута.

В своих библиографических указаниях, приложенных к этой книге, я обращаю внимание своих читателей не только на русскую, но и на иностранную литературу. Опыт университетского преподавания и ведения семинариев в последние годы убедил меня в том, что опасения относительно полного будто бы незнания иностранных языков нашими студентами сильно преувеличены. Сплошь и рядом мои слушатели и участники семинариев отказывались, например, довольствоваться часто сокращенными, а иногда и неудовлетворительными переводами мемуарной литературы последних лет и прибегали к подлинникам. Они настоятельно просили меня, когда я писал эту книгу, отнюдь не довольствоваться указанием имеющейся (очень скудной количественно) русской литературы по истории Западной Европы и Америки 1871–1919 гг., но непременно указать и литературу иностранную.

Разумеется, нелепо было бы даже и ставить себе тут задачу достигнуть исчерпывающей полноты. Я старался перечислить лишь немного, с чего, на мой взгляд, удобнее начать самостоятельное углубление в затронутые моей книгой вопросы. При этом я старался, при равенстве прочих условий, давать предпочтение (в своих указаниях) тем книгам, которые мои слушатели могут найти в Публичной библиотеке, а московские студенты — в богатейшем Институте Маркса и Энгельса, созданном Рязановым, доступ куда широко открыт всем желающим работать. Литература и источники по истории 1919–1928 гг. будут мной указаны во второй части работы, которая будет посвящена этой эпохе.

ГЛАВА I

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА 1871–1914 гг.

Период 1871–1914 гг. во всемирной истории отмечен некоторыми признаками, которые придают ему особый характер, резко отличающий его во многих отношениях как от предшествующей, так и от последующей эпохи.

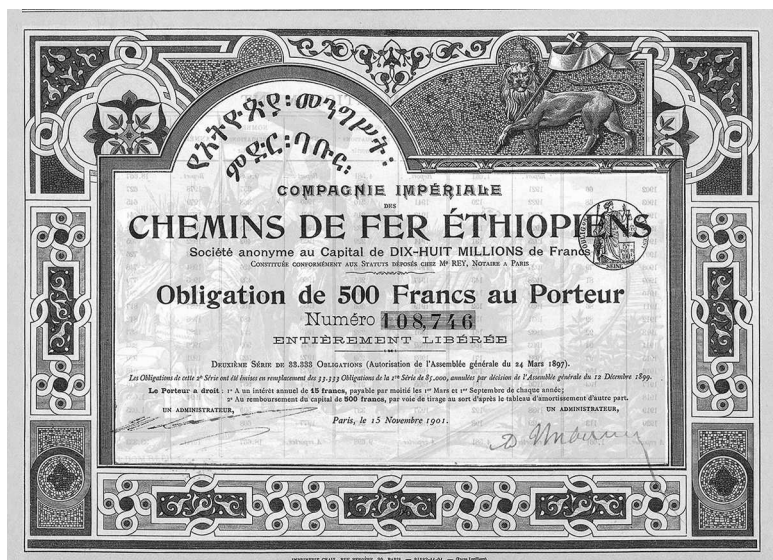
Попытаемся в немногих словах отметить эти признаки:

1. Никогда еще за всю историю новейшего капитализма такие огромные свободные капиталы не были предоставлены в распоряжение промышленности, торговли, биржи, сельского хозяйства, транспорта, как в означенный период. И никогда не обнаружилось такого быстрого увеличения значения *вывоза капитала* из экономически сильных стран в более экономически слабые, как именно к концу этого периода. Как образовались в предшествующую эпоху эти капиталы — вопрос особый, который не входит в хронологические рамки этой книги.

Для нас важно тут больше всего то, что эти капиталы — и в Соединенных Штатах, и в Англии, и во Франции, а с конца 90-х годов и в Германии — росли так быстро, что даже параллельно шедшего усиления промышленности не хватало сплошь и рядом для помещения капиталов, и вопрос об эмиграции финансового капитала¹, *о рынках* для помещения свободной наличности сделался (перед войной 1914 г.) одним из злободневных, из боевых вопросов экономической политики великих держав (кроме России и Японии).

Эта свободная денежная наличность, естественно, избирала себе помещение там, где процент или прибыль были выше. Этому естественному стремлению отчасти мешали могущественные силы тоже экономического происхождения. Называть эти помехи «искусственными» — неосновательно, потому что в сложном живом комплексе явлений можно, только играя словами, одни факторы называть естественными, а другие искусственными. В Ниагаре одинаково естественны вода и мешающие ей камни.

Помехой для свободной миграции капиталов из одних стран в другие была, но, правда, в редких случаях, прежде всего политика,

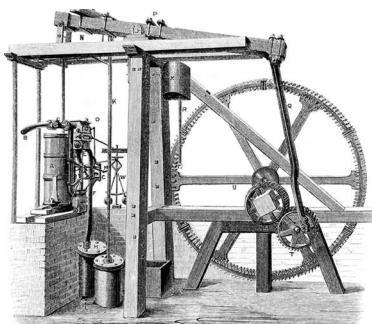

Облигация номиналом 500 франков,
выпущенная «Императорской компанией железных дорог Эфиопии». 1897 г.

обусловленная интересами «национальной» промышленности. Еще Наполеон I говорил, что промышленность более «национальна», чем «торговая». Капитал, уже вложенный в промышленность, оказывается в большинстве случаев политически сильнее и влиятельнее капитала еще «свободного».

Поэтому, например, французские промышленные круги воспротивились участию французского капитала в постройке Багдадской железной дороги; поэтому *единственный* оставшийся до сих пор «германофобским» слой североамериканских капиталистов — промышленники — противится изо всех сил помещению американских капиталов в Германии (да и вообще в Средней Европе) после войны. Промышленники не потому только ставили иногда (правда, очень редко) препятствия к свободной миграции капиталов, что им самим был нужен дешевый капитал, но и потому, что они боялись усиления чужой промышленности. Важно было другое препятствие — конкуренция финансового капитала других капиталистических держав.

Этим положением вещей порождались два результата. Во-первых, свободный капитал (там, где он был в больших количествах)

Паровая машина Джеймса Уатта
Old Bess (1778 г.).

Иллюстрация из книги С. Смайла
«Жизнь Болтона и Уатта». 1865 г.

с каждым десятилетием все настойчивее искал себе выхода и выгодного помещения; вопрос о завоевании новых рынков в Африке и в Азии именно для помещения свободных капиталов начал все неотступнее занимать умы заинтересованных. Второй результат заключался в том, что сначала доступность и дешевизна кредита дали могущественный толчок технической революции, как поистине должно назвать гигантский

технический прогресс последних десятилетий, и создали возможность неслыханно быстрого распространения новых и новых изобретений. Времена, когда между изобретением, например, Уатта, и широким его распространением, полным его использованием проходили годы и годы, эти времена миновали.

Самые смелые опыты, самые дорогие и внезапные преобразования всего фабричного снаряжения — все это стало так доступно, как никогда не было. Дешевизной и обилием кредита не только неслыханно поощрялся и распространялся технический прогресс, но и представлялись вообще громадные возможности количественного роста промышленных предприятий. Все же, хоть и можно указать на исключения, чаще всего капитал устремляется за границу, лишь удовлетворив, насытив спрос промышленников у себя дома.

Но с каждым десятилетием вопрос о вывозе и помещении капитала за границей становился все настоятельнее для капиталистических держав. А чем более монополизировалась сама организация финансового капитала, вывозимого в колонии и, шире говоря, в экономически более слабые страны, тем более *падал* интерес к техническому прогрессу в производстве, и это явление стало местами (например, в Англии) прямо бросаться в глаза уже с последних лет XIX в.

2. Этот второй результат появления и роста гигантских капиталов подводит к рассмотрению следующего характерного признака

периода 1871–1914 гг. Мы говорили о преобладающей и руководящей роли именно *финансового* капитала, вложенного в торговлю и промышленность, в экономической и политической жизни передовых капиталистических держав. В течение всей середины и всего конца XIX в. капитал, вложенный в торговлю и промышленность, шел от победы к победе.

Эти победы при необычайном разнообразии внешних форм и проявлений (иногда до неузнаваемости скрытых и отличных во всем) вели к одному и тому же результату, как бы предначертанному всей мировой экономической эволюцией, — к политическому торжеству представителей капитала, вложенного в торговлю и промышленность, над представителями землевладельческого хозяйства.

С этой точки зрения, например, дни 27, 28 и 29 июля 1830 г., когда пала монархия Бурбонов во Франции, или день 7 июля 1832 г., когда английская реформа стала законом; день 19 февраля 1861 г. в России или день 26 апреля 1865 г. в Соединенных Штатах, когда Джонсон сдался генералу Шерману и кровопролитное пятилетнее междоусобие между промышленным Севером и плантаторским Югом закончилось бесповоротным поражением рабовладельцев, — все это разные этапы и формы одного и того же исторического процесса.

Новые социальные слои, связанные с торгово-промышленным капиталом, победили везде без исключения, где только они сталкивались с представителями землевладения плантаторского, феодального или крепостнического типа. Среди этих победивших социальных слоев представители промышленного производства к концу XIX в. часто играли в Англии, Германии, Соединенных Штатах первенствующую роль. Колоссальное экономическое значение промышленного производства (возраставшее с ростом народонаселения) объясняется, между прочим, еще и тем, что, как уже было выше замечено, громадный и все растущий общественный класс — рабочий — теснейшими узами связан именно с промышленным капиталом и со всеми его судьбами.

Противоположность интересов рабочих и работодателей, делающая, по известному выражению, рабочий класс «могильщиком» капиталистического строя, сказывается и больше всего может сказаться при экономической или — в решающие моменты —

Император Германской империи
(кайзер) Вильгельм I Фридрих Людвиг
(1797–1888)

при революционно-политической борьбе рабочих против хозяев и защищающего хозяев государства. Но пока эта решающая минута не наступала и в тех случаях, когда представители промышленного капитала боролись против других разновидностей капиталистического класса, рабочий класс оказывался всегда солидарен именно с представителями промышленного капитала (либо весь рабочий класс, либо его большинство).

Так было в Англии в 1817–1832 гг. при борьбе за избирательную реформу; так было во

Франции в дни Июльской революции 1830 г.; так бывало в моменты борьбы в германском рейхстаге при Вильгельме I и особенно при Вильгельме II при обсуждении таможенной политики (и прежде всего при обсуждении торговых договоров с Россией).

Это невольное, стихийное, так сказать, «сотрудничество» обоих непримиримо враждебных классов, связанных с промышленностью, в тех случаях, когда шла борьба промышленного капитала с землевладением, или в тех редких случаях, когда промышленный класс противился свободе банковских и биржевых действий, эта общая заинтересованность в подобных обстоятельствах и предпринимателей и рабочих делали всегда промышленный капитал могучей движущей силой в течение всего периода 1871–1914 гг.

Но вместе с тем нужно помнить, что банковский капитал возрастал в передовых капиталистических державах в такой огромной прогрессии, что никакие препятствия, конечно, не могли ему помешать постоянно мигрировать в экономически более слабые страны. Да и препятствия эти становились совершенно ненужными при гигантском росте капитала, и именно это повсеместное распространение европейского и американского капиталов больше любой другой экономической силы способствовало ин-

тернационализации всей хозяйственной жизни земного шара, созданию мирового хозяйства, тесной связанности, зависимости и взаимодействию разнообразнейших хозяйственных феноменов, происходящих на самых далеких пунктах земли.

Колебание бумаг на мировых фондовых биржах, тенденция к уравниванию цен на товары на самых разнородных и удаленных друг от друга рынках сбыта — это только два ярких признака и последствия появления «мирового хозяйства».

Однако появление этого «мирового хозяйства» отнюдь не создало той идиллии «мирного соревнования», о которой грезили еще в середине XIX в. такие ученые и политические мечтатели, как Бокль или Кобден. Напротив, если, в частности, промышленники сплошь и рядом толкали свое государство к военным выступлениям во имя захвата новых рынков сырья и рынков сбыта, то и вообще финансисты, руководители банков и фондовых бирж тоже требовали (больше всего в самые последние годы перед войной 1914 г.) деятельной военно-дипломатической поддержки всюду, где только они стремились поместить свободную наличность. Крупп, фирма «Вулкан», братья Маннесманы влияли на германское правительство в том же направлении, в каком главари парижской биржи влияли на правительство французское.

Экспортеры свободных капиталов стали в последние 10–15 лет перед мировой войной еще гораздо более энергично толкать Европу к катастрофе, чем это делали экспортеры товаров.

Прибавим к этому, что в России не промышленный, а именно торговый капитал мог толкать правительственный организм к экспансии, мог поощрять завоевательные тенденции еще тогда, когда русская промышленность была слабо развита. Промышленники стали оказывать влияние в этом же (завоевательном) направлении лишь в последние 10 лет перед войной, а торговый капитал был стародавней политической силой на Руси, хотя до сих пор еще с этой точки зрения сравнительно мало изученной. Дело было не только в связи между интересами хлебного экспорта и вопросом о Константинополе и проливах. Когда окончательно будет разрушена легенда об экономической всегдашней «отсталости» России, может быть, вся история внешней политики императорского периода будет пересмотрена коренным образом².

Тут, в этой книге, ни старая, ни новая история России нас сами по себе не касаются; достаточно лишь отметить, что и в вопросе о проливах, и в вопросе о русско-германских договорах, и в вопросе о Персии или Китае русский торговый капитал и мотивы непосредственной территориальной экспансии гораздо раньше и гораздо активнее, чем капитал промышленный, содействовали росту империалистских тенденций в русской внешней политике последних десятилетий перед мировой войной. Оставляя историю России совершенно вне рамок этой книги, мы именно потому и должны были сделать это специальное указание: слишком существенным фактором европейской истории оказалась русская внешняя политика перед войной.

3. Третий признак разбираемого периода, подобно, впрочем, и двум предыдущим, характеризуется явлениями, назревавшими уже задолго до наступления этого периода, но только в рассматриваемую эпоху — в последнюю треть XIX и в начале XX в. — достигшими особой степени яркости и очевидности. Определить совокупность этих явлений можно так: необычайная (и общая для всех великих капиталистических держав) готовность к разрешению основных проблем международной экономической конкуренции непосредственной «пробой сил», другими словами — непосредственной сначала дипломатической, потом военной борьбой.

Этот признак — руководящая агрессивная роль именно финансового капитала — и является характерным для последнего довоенного периода.

Первое явление — легкость на подъем и эластичность государственной машины — объясняется также последствиями развития финансового капитала: громадными успехами техники; организацией транспорта; возможностью почти мгновенной мобилизации; появлением колоссальной специальной промышленности, обслуживающей армию и флот; усовершенствованием службы связи в самом широком смысле слова и т. п., а прежде всего тем, что само государство, как оно организовалось в Европе к концу XIX в., было теснейшими узами связано с экономически господствующим классом — представителями финансового капитала, создавало себя его орудием и даже видело в этом сознании главный смысл своего существования. И при этом там, где оно было по традиции